

VI. ДУХ

Разум есть дух, так как достоверность того, что он – вся реальность, возведена в истину; и разум сознает себя самого как свой мир, а мир – как себя самого. – Становление духа показано в непосредственно предшествующем движении, где предмет сознания, чистая категория, возвысился до понятия разума. В *наблюдающем* разуме это чистое единство *я* и *бытия*, *для-себя-бытия* и *в-себе-бытия* определено как “*в себе*” или как *бытие*, и сознание разума *находит* себя. Но истина наблюдения есть скорее снятие этого непосредственного находящего инстинкта, этого лишенного сознания наличного бытия разума. *Созерцаемая* категория, *найденная вещь* входит в сознание как *для-себя-бытие* “*я*”, которое теперь знает себя в предметной сущности как *самость*. Но это определение категории как *для-себя-бытия*, противоположного *в-себе-бытию*, точно так же односторонне и есть момент, снимающий себя самого. Категория поэтому определяется для сознания так, как она есть в своей всеобщей истине, т.е. как сущность, *сущая в себе и для себя*. Лишь это все еще *абстрактное* определение, составляющее *самое суть дела*, есть *духовная сущность*, и ее сознание есть формальное знание о ней, которое занимается всевозможным содержанием ее; это сознание на деле еще отлично от субстанции как нечто единичное, оно либо предписывает произвольные законы, либо мнит, что в своем знании как таковом имеет законы в том виде, в каком они суть в себе и для себя; и оно считает себя мощью, оценивающей их. – Или если рассматривать со стороны субстанции, эта мощь есть *сущая в себе и для себя* духовная сущность, которая еще не есть *сознание* себя самой. Но *сущая в себе и для себя* сущность, которая вместе с тем представляет себя в качестве сознания действительной и самой собой, есть *дух*.

Духовная *сущность* сознания уже была обозначена как *нравственная субстанция*; но дух есть *нравственная действительность*. Дух есть *самость* действительного сознания, которому он противостоит или, лучше сказать, которое противостоит себе как предметный действительный *мир*, но мир в такой же мере потерявший для самости все значение чего-то чуждого, как и самость потеряла все значение от него отделенного, зависимого или независимого *для-себя-бытия*. Как *субстанция* и всеобщая, себе самой равная постоянная сущность дух есть неизменная и незыблемая *основа* и *исходный пункт* действия всех и их *конечная цель* (*Zweck und Ziel*) как мысленное “*в себе*” всех самосознаний. – Эта субстанция есть точно так же всеобщее *произведение*, которое создается действием всех и каждого как их единство и равенство, ибо она есть *для-себя-бытие*, самость, действие. В качестве *субстанции* дух есть непоколебимое справедливое *равенство самому себе*; но в качестве *для-себя-бытия* эта субстанция есть растворенная, приносящая себя в жертву милостивая сущность, в которой каждый

осуществляет свое собственное произведение, разрывает всеобщее бытие и берет от него свою долю себе. Это растворение и разъединение сущности есть именно момент действия и самости всех; в этом – движение и душа субстанции и приведенная в действие всеобщая сущность. Именно тем, что она есть бытие, растворенное в самости, она не есть мертвая сущность, а *действительна и полна жизни*.

Дух, таким образом, есть сама себя поддерживающая абсолютная реальная сущность. Все рассмотренные до сих пор формы существования сознания суть абстракции его; они состоят в том, что дух анализирует себя, различает свои моменты и останавливается на каждом. Это изолирование таких моментов имеет его самого *предпосылкой* и *опорой*, иначе говоря, оно существует лишь в нем, который есть существование. Когда они так изолированы, кажется, *будто* они *существуют* как таковые; но в какой мере они только моменты или исчезающие величины, показало их обратное движение и возвращение в их основу и сущность; и именно эта сущность и есть это движение и растворение этих моментов. Здесь, где дух, или рефлексия этих моментов, выявлен в себе самом, наша рефлексия может с этой стороны вкратце напомнить о них: они были сознанием, самосознанием и разумом. Дух, следовательно, есть *сознание* вообще, что включает в себя чувственную достоверность, воспринимание и рассудок, поскольку в анализировании себя самого он утверждает момент, [состоящий в том], что он есть для себя *предметная сущая* действительность, и абстрагируется от того, что эта действительность есть его собственное для-себя-бытие. Если, напротив, он утверждает другой момент анализа, сводящийся к тому, что его предмет есть *его для-себя-бытие*, он есть самосознание. Но как непосредственное сознание *в-себе- и для-себя-бытия*, как единство сознания и самосознания он есть сознание, которое *обладает разумом*, которое, – как это обозначает слово “*обладать*”, – обладает предметом как *в себе* разумным или определенным ценностью категории, но так, что для своего сознания этот предмет еще не имеет ценности категории. Дух есть сознание, из рассмотрения которого мы сейчас именно и исходили. Если, наконец, разум, которым *обладает* дух, созерцается как таковой последним, то разум есть, или если это разум, который в нем *действительно* есть и который составляет его мир, то дух – в своей истине; он *есть дух*, он есть *действительная нравственная* сущность.

Дух, поскольку он *есть непосредственная истина*, есть *нравственная жизнь народа*; он – индивид, который есть некоторый мир. Он необходимо должен перейти к сознанию того, что он непосредственно есть, снять прекрасную нравственную жизнь и, пройдя ряд формообразований, достигнуть знания себя самого. Но эти формообразования отличаются от прежних тем, что они суть реальные духи, действительности в собственном смысле, формообразования некоторого мира, а не формообразования одного лишь сознания.

Живой нравственный мир есть дух в его истине; подобно тому как дух прежде всего приходит к абстрактному знанию своей сущности, так нравственность пропадает в формальной всеобщности пра-

ва. Дух, отныне раздвоенный внутри себя самого, начертает в своей, предметной стихии как в некоторой прочной действительности один из своих миров, *царство образованности*, и противопоставит ему в стихии мысли *мир веры, царство сущности*. Но оба мира, постигнутые духом, который, утратив самого себя, уходит внутрь себя, постигнутые понятием, ввергаются в хаос и революционизируются *здравомыслием* и его распространением – *просвещением*; и царство, разросшееся и разделившееся на *посюстороннее* и *потустороннее*, возвращается в самосознание, которое теперь в *морали* постигает себя как сущность, а сущность – как действительную самость и уже не выносит из себя наружу своего *мира* и его *основы*, а предоставляет всему истлеть внутри себя и в качестве *совести* (*Gewissen*) оказывается духом, обладающий *достоверностью* (*der gewisse*) *себя самого*.

Итак, нравственный мир, мир, разорванный на посюстороннее и потустороннее, и моральное мировоззрение суть духи, движение и возвращение которых в простую для-себя-сущую самость духа развиваются и целью и результатом которых выступает самосознание абсолютного духа.

А. ИСТИННЫЙ ДУХ, НРАВСТВЕННОСТЬ

В своей простой истине дух есть сознание и раскрывает свои моменты. *Поступок* делит дух на субстанцию и сознание субстанции и делит как субстанцию, так и сознание. Субстанция как всеобщая *сущность* и *цель* противостоит себе как *разъединенной* действительности; бесконечный средний термин есть самосознание, которое, будучи *в себе* единством себя и субстанции, теперь становится *для себя* самосознанием, объединяет всеобщую сущность и ее разъединенную действительность, возвышает последнюю до первой и поступает нравственно, – первую же низводит до второй и осуществляет цель, т.е. субстанцию лишь мысленную; оно создает единство своей самости и субстанции как *свое производство* и тем самым – как *действительность*.

В раздвоении сознания простая субстанция, с одной стороны, сохранила противоположность по отношению к самосознанию, а с другой стороны, она в такой же мере этим проявляет ей самой присущую природу сознания, состоящую в том, что она различает себя внутри себя самой как мир, расчлененный на свои массы. Таким образом, она раскалывается на различенную нравственную сущность, на человеческий и божественный закон. Точно так же противостоящее ей самосознание по своей сущности предоставляет себя одной из этих сил и в качестве знания делится на невѣдение того, что оно делает, и на знание об этом, которое вследствие этого есть обманутое знание. Таким образом, самосознание на опыте узнает в своем действии, с одной стороны, противоречие названных *сил*, на которые раздвоилась субстанция, и их взаимное разрушение, а с другой – противоречие между своим знанием о

нравственности своих поступков и тем, что нравственно в себе и для себя, и находит *свою собственную* гибель. Но на деле нравственная субстанция благодаря этому движению превратилась в *действительное самосознание*, или: *эта* самость стала *в-себе-* и *для-себя-*сущим, но именно в этом нравственность и погибла.

а. Нравственный мир, человеческий и божественный закон, мужчина и женщина

[1. Народ и семья. Закон дневного света и права теней.] – Простая субстанция духа делится как сознание. Или: подобно тому как сознание абстрактного, чувственного бытия переходит в восприятие, так и непосредственная достоверность реального нравственного бытия; и подобно тому как для чувственного восприятия простое бытие становится вещью, обладающей многими свойствами, точно так же и для нравственного восприятия совершение поступков становится действительностью многих нравственных отношений. Но для чувственного восприятия бесполезная множественность свойств сжимается в существенную противоположность единичности и всеобщности; и в еще большей мере для нравственного восприятия, которое есть очищенное, субстанциальное сознание, множественность нравственных моментов становится двойственностью закона единичности и закона всеобщности. Но каждая из этих масс субстанции остается духом в его целостности; если вещи в чувственном восприятии не обладают иной субстанцией, нежели эти два определения единичности и всеобщности, то здесь эти определения выражают только поверхностную противоположность обеих сторон.

[(а). *Человеческий закон.*] – В рассматриваемой нами здесь сущности единичность имеет значение *самосознания* вообще, а не единичного случайного сознания. Нравственная субстанция, стало быть, в этом определении есть *действительная* субстанция, абсолютный дух *реализован* в множественности наличного *сознания*; он есть *общественность* (das Gemeinwesen), которая *для нас*, когда мы подошли к практическому формообразованию разума вообще, была абсолютной сущностью (das absolute Wesen) и которая здесь в своей истине выступает *для себя* самой как сознательная нравственная сущность и *сущность для того* сознания, которое составляет наш предмет. Это дух, который есть *для себя*, сохраняя себя в *отражении индивидов*, и есть *в себе* или есть субстанция, сохраняя их внутри себя. Как *действительная субстанция* он есть *народ*, как *действительное сознание* – *гражданин* народа. Это сознание имеет свою *сущность* в простом духе, а достоверность себя самого – *в действительности* этого духа, в целом народе, и непосредственно в нем – свою *истину*; следовательно, – не в чем-то, что не действительно, а в некотором духе, который *существует* и *обладает значимостью*.

Этот дух может быть назван человеческим законом, потому что по существу он есть в форме *действительности, сознающей себя самое*. В

форме всеобщности он – *общеизвестный закон и имеющиеся налицо нравы*; в форме единичности он есть действительная достоверность себя самого в *индивиде* вообще, а достоверность себя как *простой индивидуальности* он есть в качестве правительства; его истина есть открытая (*offene*), очевидная значимость, – некоторое *существование*, которое для непосредственной достоверности принимает форму освобожденного наличного бытия.

[(β). *Божественный закон.*] – Но этой нравственной силе и публичности (*Offenbarkeit*) противостоит другая сила – *божественный закон*. Ибо нравственная *власть государства как движение сознающего себя действующего* имеет свою противоположность в *простой и непосредственной сущности* нравственности; как *действительная всеобщность* она есть насилие над индивидуальным для-себя-бытием, а как действительность вообще она имеет во *внутренней сущности* еще нечто иное, чем она есть.

Уже было упомянуто о том, что каждый из противоположных модусов существования нравственной субстанции заключает в себе ее целиком и все моменты ее содержания. Если, следовательно, общественность есть эта субстанция в качестве сознающего себя действительного действия, то другая сторона имеет форму непосредственной или сущей субстанции. Эта последняя, таким образом, есть, с одной стороны, внутреннее понятие или всеобщая возможность нравственности вообще, а с другой стороны, она точно так же заключает в себе момент самосознания. Самосознание, выражающее нравственность в этой стихии *непосредственности* или *бытия*, или *непосредственное* сознание себя как сущности и как “этой” самости в “ином”, т.е. *естественная нравственная общественность*, – есть *семья*. Как *бессознательное* еще внутреннее понятие она противостоит ее сознающей себя действительности; как *стихия* действительности народа – самому народу; как *непосредственное* нравственное бытие – нравственности, образующейся и сохраняющейся благодаря *труду* для всеобщего; пенаты противостоят всеобщему духу.

Но хотя *нравственное бытие* семьи определяется как бытие *непосредственное*, тем не менее внутри себя она есть *нравственная сущность*, но не постольку, *поскольку* она есть *природное отношение своих членов или не постольку, поскольку их связь есть* непосредственная связь *единичных действительных членов*; ибо нравственное в себе *всеобщее*, и это природное отношение есть по существу в такой же мере дух, и оно нравственно лишь в качестве духовной сущности. Посмотрим, в чем состоит специфическая нравственность последней. – Прежде всего, так как нравственное есть в себе всеобщее, то нравственное отношение членов семьи не есть отношение на почве чувства или отношение любви. Нравственное, по-видимому, должно в этом случае быть заложено в отношении *единичного* члена семьи к семье *в целом* как субстанции, так что его действие и действительность имеют целью и содержанием только семью. Но сознаваемая цель, которую ставит себе *действие* этого целого, поскольку она направлена на самое целое, сама единична.

Приобретение и сохранение власти и богатства, с одной стороны, направлены только на удовлетворение потребности и относятся к вожделению; а с другой стороны, в своем более высоком определении, становятся чем-то только опосредствованным. Это определение относится не к самой семье, а направлено на подлинно всеобщее, на общественность; оно, напротив, негативно по отношению к семье и состоит в том, что из семьи удаляется отдельное лицо, его природность и единичность подчиняются и оно привлекается к *добродетели*, к жизни внутри всеобщего и для всеобщего. Специфическая для семьи *положительная* цель есть отдельное лицо как таковое. Для того чтобы это отношение было нравственным, это лицо не может, – ни то, которое совершает поступки, ни то, на которое направлены эти поступки, – выступать в зависимости от *случая*, как это происходит, скажем, при оказании какой-нибудь помощи или услуги. Содержание нравственного поступка должно быть субстанциальным или цельным и всеобщим; такой поступок может поэтому относиться только к единичному как целому, т.е. к нему как всеобщему. И дело опять-таки не в том, скажем, чтобы только воображать, будто *оказание услуги* способствует всему его счастью, в то время как эта услуга, поскольку она есть непосредственный или действительный поступок, имеет для него только единичное значение; и не в том дело, чтобы такие поступки, будучи даже воспитанием, слагающимся из *ряда усилий*, действительно имели своим предметом единичное как целое и создали его как произведение, где вне цели, негативной по отношению к семье, *действительный поступок* имеет только ограниченное содержание; и не в том, наконец, дело, чтобы этот поступок был некоторой помощью в нужде, благодаря которой поистине спасают единичное как целое, ибо этот поступок сам есть совершенно случайный акт, поводом для которого служит обыденная действительность, которая может быть, а может и не быть. Следовательно, поступок, который охватывает все существование кровного родственника и своим предметом и содержанием имеет его – не гражданина, ибо этот последний не принадлежит семье, и не того, кто должен стать гражданином и *потерять* значение “этого” единичного, – а его, “это” принадлежащее семье единичное как некоторую всеобщую сущность, отрешенную от чувственной, т.е. единичной действительности, – такой поступок касается уже не *живого*, а *мертвого*, который из долгого следования своего рассеянного наличного бытия собран в завершенное единое образование и из непокая случайной жизни поднялся до покоя простой всеобщности. – Так как отдельное лицо *действительно и субстанциально* только в качестве гражданина, то оно, поскольку оно – гражданин и принадлежит семье, есть только *лишенная действительности* бесплотная тень.

[(γ). *Права отдельного лица.*] – Эта всеобщность, которой достигает отдельное лицо как таковое, есть *чистое бытие, смерть*; это есть *непосредственная естественная* завершенность становления (Gewordensein), а не *действие сознания*. Долг члена семьи, вследст-

вие этого, присовокупить эту сторону, дабы и его последнее *бытие*, это *всеобщее* бытие, принадлежало не одной только природе и не оставалось чем-то неразумным, а чтобы утверждалось за ним нечто *содеянное* и право сознания. Другими словами, смысл поступка состоит скорее в том, что (так как поистине покой и всеобщность сознающей себя самое сущности не принадлежат природе) отпадает видимость такого действия, которое присваивает себе природа, и восстанавливается истина. – То, что делала в единичном лице природа, есть та сторона, с которой его превращение во всеобщее проявляется как движение чего-то *сущего*. Правда, само это движение оказывается внутри нравственной общности и имеет ее своей целью; смерть есть завершение и наивысший труд, который предпринимает индивид как таковой в интересах этой общности. Но поскольку индивид есть по существу единичное, постольку дело случая, что его смерть непосредственно была связана с его трудом в интересах всеобщего и была результатом его. Если смерть отчасти и была этим результатом, то она есть *естественная* негативность и движение отдельного лица как *сущего*, в котором сознание не возвращается в себя и не становится самосознанием; или: так как движение *сущего* состоит в том, что последнее снимается и достигает *для-себя-бытия*, то смерть есть та сторона раздвоения, в которой достигаемое для-себя-бытие есть нечто иное, чем сущее, вступившее в движение. – Так как нравственность есть дух в его *непосредственной* истине, то стороны, на которые раздваивается его сознание, также подпадают под эту форму *непосредственности*; и единичность переходит в ту *абстрактную* негативность, которая, будучи лишена утешения и примирения *в себе самой*, по существу должна принять единичность посредством *действительного* и *внешнего* поступка. – Кровное родство, следовательно, дополняет абстрактное природное движение тем, что оно присовокупляет движение сознания, приостанавливает деяние природы и избавляет кровного родственника от разрушения или, лучше сказать, так как разрушение, превращение его в чистое бытие, необходимо, то кровное родство берет на себя и самый акт разрушения. – Благодаря этому получается, что и *мертвое*, всеобщее *бытие* становится тем, что возвращается внутрь себя, *для-себя-бытием*, или бессильная чистая *единичная* единичность возвышается до *всеобщей индивидуальности*. Мертвый, так как он освободил свое *бытие* от своего *действия* или негативного “одного”, есть пустая единичность, лишь пассивное *бытие для другого*, отданное в добычу всякой низшей, лишенной разума индивидуальности и силам абстрактных материй, – и то и другое теперь могущественнее его: первая в силу того, что она обладает жизнью, вторые – в силу их негативной природы. Семья отвращает от него эти оскверняющие его действия бессознательного вождения и абстрактных сущностей, заменяет их собственным действием и соединяет родственника с лоном земли – стихийной непреходящей индивидуальности; тем самым она делает его соучастником в некоторой общности, которая, напротив, преодолевает и связывает силы отдельных материй

и низшие формы жизни, желавшие стать свободными по отношению к нему и разрушить его.

Итак, этот последний долг составляет *совершенный божественный закон* или положительный нравственный поступок по отношению к отдельному лицу. Всякое другое отношение к нему, которое не остается в сфере любви, а нравственно, принадлежит человеческому закону и имеет негативное значение, сводящееся к тому, что оно освобождает отдельное лицо от включения в природную общественность, к которой оно принадлежит как *действительное* отдельное лицо. Но если уже человеческое право имеет своим содержанием и силой действительную сознающую себя нравственную субстанцию – народ в целом, а божественное право и закон имеет своим содержанием отдельное лицо, которое находится по ту сторону действительности, то это лицо не лишено мощи; его сила есть *абстрактное чисто-всеобщее, стихийный индивид*, который индивидуальность, вырывающуюся из стихии и составляющую сознающую себя действительность народа, отбрасывает назад в чистую абстракцию как свою сущность в такой же мере, в какой эта последняя есть основа индивидуальности. – Как эта мощь проявляется в самом народе, будет еще развито дальше.

[(2. Д в и ж е н и е в о б о и х з а к о н а х).] – Далее, как в одном из этих законов, так и в другом бывают также *различия и ступени*. Так как обе сущности заключают в себе момент сознания, то внутри них самих раскрывается различие, что и составляет их движение и свойственную им жизнь. Рассмотрение этих различий показывает способ *деятельности и самосознания* обеих *всеобщих сущностей* нравственного мира, равно как и их *связь и переход* друг в друга.

[(a). *Правительство, война, негативная власть.*] *Общественность* (Gemeinwesen), высший и явно при свете солнца действующий закон, имеет свою действительную жизненность в *правительстве*, так как в нем она есть индивид. Правительство есть *рефлектированный в себя действительный дух*, простая *самость* нравственной субстанции в целом. Правда, эта простая сила позволяет сущности (dem Wesen) развертываться в ее расчленении и сообщать каждой части устойчивость и собственное для-себя-бытие. Дух находит здесь свою *реальность* или свое *наличное бытие*, и семья есть *стихия* этой реальности. Но в то же время он есть сила целого, которая вновь совокупляет эти части в негативное “одно”, сообщает им чувство их зависимости и сохраняет их в сознании так, что они имеют свою жизнь только в целом. Таким образом, с одной стороны, общественность может организоваться в систему личной независимости и собственности, личного и вещного права; а с другой стороны – расчленять на собственные сочетания и делать независимыми способы работы для осуществления прежде всего единичных целей – приобретения и наслаждения. Дух всеобщего сочетания есть *простота* и *негативная* сущность этих изолирующихся систем. Для того чтобы последние не укоренились и не укрепились в этом изолировании, благодаря чему целое могло бы распасться и дух улетучился бы, прави-

тельство должно время от времени внутренне потрясать их посредством войн, нарушать этим и расстраивать наладившийся порядок и право независимости; индивидам же, которые, углубляясь в это, отрываются от целого и неуклонно стремятся к неприкосновенному *для-себя-бытию* и личной безопасности, дать почувствовать в указанной работе, возложенной на них, их господина – смерть. Этим разложением формы существования дух предотвращает погружение из нравственного наличного бытия в природное и сохраняет самость своего сознания и возводит его в *свободу* и в свою *силу*. – Негативная сущность оказывается в собственном смысле *властью* общественности (Gemeinwesen) и *силой* ее самосохранения; общественность, таким образом, находит истину и подтверждение своей власти в сущности (Wesen) *божественного закона* и в *подземном царстве*.

[(β). *Нравственное взаимоотношение мужчины и женщины как брата и сестры.*] – Божественный закон, господствующий в семье, в свою очередь также содержит различия внутри себя, соотношение которых составляет живое движение его действительности. Но из трех отношений – мужа и жены, родителей и детей, брата и сестры – прежде всего *отношение мужа и жены* есть *непосредственное* познание себя одного сознания в другом и познание взаимной признанности. Так как это отношение есть *природное* познание друг друга, а не нравственное, то оно есть лишь *представление* и *образ* духа, а не сам действительный дух. – Но представление или образ имеет свою действительность в ином, чем это отношение; вот почему это отношение имеет свою действительность не в себе самом, а в ребенке – в “ином”, становление которого оно есть и в котором оно само исчезает; и эта смена следующих одно за другим поколений получает свое постоянство в народе. – Благоговение мужа и жены друг перед другом, стало быть, смешано с природным взаимоотношением и с чувством, и самому их отношению не присуще возвращение в себя; то же самое и со вторым отношением, с *благоговением родителей и детей* друг перед другом. Благоговение родителей перед их детьми вызывается умилением тем, что у них есть сознание о своей действительности в “ином”, и тем, что они видят возникновение в нем *для-себя-бытия*, не получая его обратно; оно остается некоторой чуждой, собственной действительностью; – благоговение же детей перед родителями, напротив того, вызывается умилением тем, что они обязаны своим возникновением или своим “в себе” некоторому “иному”, что исчезает, и что они достигают *для-себя-бытия* и собственного самосознания лишь благодаря отделению от источника – отделению, при котором этот источник иссякает.

Оба эти отношения остаются внутри процесса перехода и неравенства сторон, которые участвуют в них. – Но между *братом* и *сестрой* имеет место беспримесное отношение. Они – одной и той же крови, которая, однако, в них пришла в состояние *покоя* и *равновесия*. Поэтому они не вожделеют друг друга, они не дали один другому этого *для-себя-бытия* и не получили его друг от друга, а они друг по отношению к дру-

гу – свободные индивидуальности. В лице сестры женское начало обладает поэтому высшим *предчувствием* нравственной сущности; до *сознания* и действительности ее оно не доходит, потому что закон семьи есть *в-себе-сущая* внутренняя сущность, которая не выявлена для сознания, а остается внутренним чувством и освобожденным от действительности божественным началом. С этими пенатами связано женское начало, которое созерцает в них, с одной стороны, свою всеобщую субстанцию, а с другой стороны, свою единичность, однако созерцает таким образом, что это отношение единичности в то же время не есть природное отношение чувственного влечения. – В качестве же *дочери* женщине приходится с естественным волнением и нравственным покоем смотреть на то, как исчезают родители, ибо лишь ценою этого отношения она приходит к тому *для-себя-бытию*, к какому она способна; в родителях, стало быть, она не может положительно созерцать свое для-себя-бытие. – Но отношения *матери* и *жены* обладают единичностью отчасти как нечто природное, свойственное чувственному влечению, отчасти как нечто негативное, усматривающее в единичности только свое исчезновение, отчасти именно поэтому эта единичность есть нечто случайное, что может быть заменено другой единичностью. В обители нравственности не “*этот*” муж, не “*это*” дитя, а *некий муж, дети вообще*, – не чувство, а всеобщее, суть именно то, на чем основываются эти отношения женщины. Отличие ее нравственности от нравственности мужчины в том именно и состоит, что в своем определении для единичности и в своем чувственном влечении она остается непосредственно общей, а единичности вожделения остается чуждой; напротив того, в мужчине обе эти стороны расходятся, и так как он как гражданин обладает *сознающей себя* силой *всеобщности*, он этим приобретает себе право *вожделения* и в то же время сохраняет за собой свободу от него. Когда, стало быть, к этому отношению жены примешана единичность, нравственность этого отношения – не чиста; поскольку же она чиста, единичность *безразлична*, и жена не нуждается в моменте признания ее “*этой*” самостью в “*ином*”. – Но брат для сестры есть покоящаяся равная сущность вообще, ее признание в нем чисто и свободно от примеси природного отношения; поэтому безразличия единичности и нравственной случайности последней в этом отношении нет; зато момент признающей и признаваемой *единичной самости* может здесь утверждать свое право, потому что он связан с уравновешенностью крови и свободным от вожделения отношением. Потеря брата поэтому для сестры незаменима, и ее долг перед ним – долг самый высокий.

[(γ). *Переход обеих сторон, т.е. божественного и человеческого закона, друг в друга.*] – Это отношение в то же время есть граница, на которой растворяется замкнутая в себе семья и выходит за свои пределы. Брат есть та сторона, с которой дух семьи превращается в индивидуальность, обращающуюся к другому и переходящую в сознание всеобщности. Брат покидает эту *непосредственную, стихийную* и потому, собственно говоря, *негативную* нравственность семьи, чтобы приобрести и создать действительную нравственность, сознающую себя самое.

Из божественного закона, в сфере которого он жил, он переходит к закону человеческому. Сестра же становится, или жена остается во главе дома и хранительницей божественного закона. Таким именно образом оба пола преодолевают свою природную сущность и выступают в своем нравственном значении как разные начала, распределяющие между собой оба различия, которые сообщает себе нравственная субстанция. Обе эти *всеобщие* сущности нравственного мира обладают поэтому своей определенной *индивидуальностью* в *природно* различных самосознаниях, потому что нравственный дух есть *непосредственное* единство субстанции и самосознания – *непосредственность*, которая, следовательно, со стороны реальности и различия в то же время выступает как наличное бытие некоторого природного различия. – Эта та сторона, которая в облике реальной для себя индивидуальности, в понятии духовной сущности, обнаружилась в качестве *первоначально-определенной* *натуры*. Этот момент теряет неопределенность, которая там еще была у него, а также случайную разность склонностей и способностей. Теперь он – определенная противоположность двух полов, природность которых получает в то же время значение их нравственного определения.

Различие полов и их нравственного содержания все же остается в единстве субстанции, и именно его движение и есть перманентное становление их. Мужчина высылается духом семьи в общественность и обретает в этой последней свою обладающую самосознанием сущность; как семья благодаря этому имеет в ней свою всеобщую субстанцию и устойчивое существование, так общественность, наоборот, имеет в семье формальную стихию своей действительности, а в божественном законе – свою силу и подтверждение. Ни семья, ни общественность не есть, однако, в себе и для себя; человеческий закон в своем живом движении исходит из божественного закона, закон, действующий на земле, – из подземного, сознательный – из бессознательного, опосредствование – из непосредственности, – и точно так же возвращается туда, откуда исходил. Подземная сила, напротив, имеет свою *действительность* на земле; благодаря сознанию она становится наличным бытием и деятельностью.

[3. Нравственный мир как бесконечность и целостность]. – Таким образом, всеобщие нравственные сущности суть субстанция как всеобщее и субстанция как единичное сознание; их всеобщая действительность – это народ и семья, а их природная самость и деятельная индивидуальность – это мужчина и женщина. Мы видим, что в этом содержании нравственного мира достигнуты те цели, которые ставились прежними не имеющими субстанции формами существования сознания; то, что разум постигал только как предмет, стало самосознанием, а то, чем последнее обладало только внутри себя самого, имеется налицо как истинная действительность. – То, что наблюдение знало как найденное уже в наличии, в чем самость никак не может участвовать, здесь – найденные уже существующие нравы, но в

виде действительности, которая в то же время есть действие и произведение “находящего”. – Отдельное лицо, которое ищет удовольствия в наслаждении своей единичностью, находит его в семье, а необходимость, в которой угасает удовольствие, есть его собственное самосознание как гражданина своего народа; или: это есть знание закона сердца как закона всех сердец, знание сознания *самости* как признанного всеобщего порядка; – это *добродетель*, которая наслаждается плодами того, что принесено ею в жертву; она осуществляет то, к чему стремится, а именно, возводит сущность в подлинную действительность, и эта всеобщая жизнь есть ее наслаждение. – Наконец, сознание *самой сути дела* находит удовлетворение в реальной субстанции, которая положительным образом содержит и сохраняет абстрактные моменты упомянутой пустой категории. Она имеет в нравственных силах подлинное содержание, заменяющее лишенные субстанции заповеди, которые здравый разум хотел предписывать и знать, – точно так же, как благодаря этому она имеет содержательное, ему самому присущее определенное мерило проверки – не законов, а того, что делается.

Целое есть покоящееся равновесие всех частей, и каждая часть его – своеобразный дух, который ищет своего удовлетворения не по ту сторону себя, а имеет его внутри себя потому, что он сам находится в этом равновесии с целым. – Это равновесие, правда, может быть живым только благодаря тому, что в нем возникает неравенство, и *правосудие* возвращает его к равенству. Но правосудие не есть ни чуждая, по ту сторону находящаяся сущность, ни недостойная сущности действительность взаимных козней, предательства, неблагодарности и т.д., которая творила бы суд в виде бессмысленного случая, как какая-нибудь непонятная связь и бессознательные действия и попустительство; наоборот, будучи правосудием *человеческого права* – правосудием, которое возвращает во всеобщее вышедшее из равновесия для-себя-бытие, независимость сословий и индивидов, – оно есть правление народа, которое составляет наличную индивидуальность всеобщей сущности и собственную, обладающую самосознанием волю всех. – Но правосудие, возвращающее к равновесию всеобщее, которое начинает брать верх над единичным, есть точно так же простой дух того, кто претерпел несправедливость, – не распавшийся на претерпевшего и некоторую потустороннюю сущность; претерпевший сам есть подземная мощь, и это *его* Эриния осуществляет акт мести; ибо его индивидуальность, его кровь, продолжает жить в родном доме; его субстанция имеет прочную действительность. Несправедливость, которая может быть причинена отдельному лицу в царстве нравственности, состоит в том, что с ним может просто что-нибудь *стрястись*. Сила, которая совершает по отношению к сознанию ту несправедливость, что превращает его в чистую вещь, есть природа, т.е. всеобщность не *общественности*, а *абстрактная* всеобщность *бытия*; и единичность для прекращения несправедливости, которую она претерпела, обращается не против первой, ибо от нее оно не пострадало, а против второй. Сознание кровного родства у индивида прекращает эту несправедливость, как мы

видели, тем, что то, что *тряслось*, становится, напротив, некоторым *произведением*, дабы *бытие*, “*последнее*”, было также *желанным* и, следовательно, радостным.

Нравственное царство таким образом в своем *устойчивом существовании* есть непорочный, никаким разладом незапятнанный мир. Точно так же его движение есть спокойное превращение одной его мощи в другую, так что каждая сама содержит и порождает другую. Мы видим, правда, что он делится на две сущности, и их действительность делится; но их противоположность есть, напротив, подтверждение одной через другую, а там, где они непосредственно соприкасаются как действительные [сущности], их средний термин и стихия есть их непосредственное взаимопроникновение. Один крайний термин – всеобщий, сознающий себя дух, через *индивидуальность мужчины* смыкается со своим другим крайним термином – со своей силой и стихией, с *бессознательным* духом. Напротив того, *божественный* закон имеет свою индивидуализацию или *бессознательный* дух единичного имеет свое наличное бытие – в женщине, через которую как через *средний термин* этот дух из своей недействительности поднимается в действительность, из незнающего и незнаемого – в сознательное царство. Соединение мужчины и женщины составляет деятельный средний термин целого и ту стихию, которая, будучи раздвоена на эти крайние термины – на божественный и человеческий законы, – точно так же есть их непосредственное соединение, которое сводит оба указанные первые заключения в одно и то же заключение и соединяет в одно движение противоположное движение – нисходящее движение действительности к недействительности, человеческого закона, который организуется в самостоятельные члены, к опасности и подтверждению смерти, и восходящее движение подземного закона к действительности дневного света и к сознательному наличному бытию; первое движение свойственно мужчине, второе – женщине.

в. Нравственное действие, человеческое и божественное знание, вина и судьба

[1. Противоречие между сущностью и индивидуальностью.] – Но поскольку в нравственном царстве получилась противоположность, самосознание еще не вступило в свои права в качестве *единичной индивидуальности*; последняя имеет в нем значение, с одной стороны, только *всеобщей воли*, с другой стороны, *крови семьи*; “*это*” *отдельное* лицо имеет значение лишь *недействительной тени*. – Еще не совершено *никакого действия*; действие же и есть *действительная самость*. – Оно нарушает спокойную организацию и движение нравственного мира. То, что в последнем выступает как порядок и согласованность его обеих сущностей, из которых одна подтверждает и восполняет другую, благодаря действию становится переходом *противоположностей*, в котором каждая из сущностей оказывается в

гораздо большей степени ничтожностью себя самой и другой, чем подтверждением; – оно превращается в негативное движение, или в вечную необходимость страшной судьбы, – необходимость, которая ввергает в бездну (Abgrund) ее простоты как божественный, так и человеческий законы, равно как и оба самосознания, в коих эти силы имеют свое наличное бытие; для нас же это – переход в абсолютное для-себя-бытие чисто единичного самосознания.

Основа (der Grund), из которой исходит это движение и на которой оно происходит, есть царство нравственности; но *деятельность* этого движения есть самосознание. В качестве *нравственного* сознания оно есть *простое чистое направление* к нравственной существенности, – оно есть долг. В этом сознании нет произвола, так же как и нет борьбы, нет нерешительности, поскольку предписывание и проверка законов прекращены; нравственная существенность для него есть непосредственное, непоколебимое, свободное от противоречия. Поэтому нет такой [даже] плохой драмы, в которой не было бы коллизии между страстью и долгом, и комедии, в которой не было бы коллизии между долгом и долгом, – коллизии, которая по содержанию есть то же самое, что коллизия между страстью и долгом, ибо страсть точно так же может быть представлена как долг, потому что долг, когда сознание возвращается в себя из непосредственной субстанциальной существенности долга, превращается в формально-всеобщее, которому, как выяснилось выше, одинаково хорошо подходит любое содержание. Коллизия же между долгом и долгом комична, потому что она выражает противоречие, а именно противоречие некоторого *противоположенного абсолютного*, следовательно, выражает абсолютное и непосредственно – ничтожность этого так называемого абсолютного или долга. – Но нравственное сознание знает, что ему делать, и твердо решает относительно того, принадлежать ли божественному или человеческому закону. Эта непосредственность его решительности есть некоторое *в-себе-бытие* и имеет поэтому в то же время значение природного бытия, как мы видели; природа, а не случайное стечение обстоятельств и не случайность выбора предназначает один пол для одного закона, другой – для другого; – или, наоборот, обе нравственные силы сами сообщают себе в двух полах свое индивидуальное наличное бытие и претворение в действительность.

Итак, вследствие того, что, с одной стороны, нравственность по существу состоит в этой *решительности* и потому для сознания только один закон есть сущность, а с другой стороны, вследствие того, что нравственные силы действительны в самости сознания, они приобретают значение *взаимо-исключения* и *противоположения* друг другу; – в самосознании они суть *для себя*, подобно тому как в *царстве* нравственности они суть только *в себе*. Нравственное сознание, так как оно твердо *решает* в пользу одного из этих законов, есть по существу *характер*; существенность того и другого закона для него не одинакова; *противоположность* выступает поэтому в виде *несчастной* коллизии долга

только с бесправной *действительностью*. Нравственное сознание в этой противоположности оказывается самосознанием, и как таковое оно в то же время стремится к тому, чтобы насильственно подчинить закону, которому оно принадлежит, эту противоположную действительность, или же обмануть ее. Так как оно видит справедливость только на своей стороне, и несправедливость – на другой стороне, то из двух [сознаний] то сознание, которое принадлежит божественному закону, усматривает на другой стороне человеческое случайное *насилие*; а то сознание, которое предназначено для человеческого закона, усматривает на другой стороне своеобразие и *непослушание* внутреннего для-себя-бытия; ибо повеления правительства составляют всеобщий, очевидный общественный смысл; воля же другого закона есть подземный, замкнутый во “внутреннее” смысл, которая в своем наличном бытии является как воля единичности и, вступая в противоречие с первым, оказывается злым своеволием.

Благодаря этому в сознании возникает противоположность *знаемого* и *незнаемого*, подобно тому как в субстанции – противоположность *сознательного* и *бессознательного*; и абсолютное *право* нравственного самосознания вступает в конфликт с божественным *правом сущности*. Для самосознания как сознания предметная действительность как таковая обладает сущностью; по своей же субстанции оно есть единство себя и этого противоположного, и нравственное самосознание есть сознание субстанции; поэтому предмет, будучи противоположен сознанию, полностью потерял значение обладания сущностью для себя. Подобно тому как давно исчезли сферы, где предмет есть только некоторая вещь, исчезают и эти сферы, где сознание, исходя из себя, закрепляет нечто и возводит в сущность единичный момент. В противоположность такой односторонности действительность обладает собственной силой; в союзе с истиной она противостоит сознанию и лишь показывает последнему, что есть истина. Но нравственное сознание выпило из чаши абсолютной субстанции забвение всякой односторонности для-себя-бытия, его целей и специфических понятий и потому потопило вместе с тем в этих водах Стикса всякую собственную сущность и самостоятельное значение предметной действительности. Поэтому его абсолютное право состоит в том, чтобы, поступая согласно нравственному закону, оно в этом претворении в действительность находило одно лишь выполнение самого этого закона, и в том, чтобы действие указывало только на нравственное действие. – Нравственное как абсолютная *сущность* и абсолютная *мощь* в одно и то же время не может допустить никакого извращения своего содержания. Если бы оно было только абсолютной *сущностью* без мощи, оно могло бы быть извращено индивидуальностью; но последняя, как нравственное сознание, вместе с отказом от одностороннего для-себя-бытия отреклось от извращения; точно так же и наоборот, одна лишь сила могла бы быть извращена со стороны сущности, если бы она еще была таким для-себя-бытием. В силу этого единства индивидуальность есть чистая форма субстанции,

которая есть содержание, а действие есть переход из мысли в действительность лишь как движение некоторой лишенной сущности противоположности, моменты которой не имеют особенного, друг от друга отличного содержания и существенности. Абсолютное право нравственного сознания состоит поэтому в том, чтобы *действие, форма его действительности*, было лишь тем, что оно *знает*.

[2. Противоположности нравственной деятельности.] – Но нравственная сущность сама расколола себя на два закона, и сознание как нераздвоенное отношение к закону предназначено только для одного. Подобно тому как это *простое* сознание настаивает на абсолютном праве, чтобы ему как нравственному сознанию сущность *являлась* в том виде, в каком она есть *в себе*, так и эта сущность настаивает на праве своей *реальности*, или на своем удвоении. Но в то же время это право сущности не противостоит самосознанию в том смысле, будто оно где-то в другом месте, – оно есть собственная сущность самосознания; только тут оно имеет свое наличное бытие, свою силу, а его противоположность есть *акт самосознания*. Ибо последнее именно потому, что оно есть для себя *самость* и начинает действовать, поднимается из *простой непосредственности* и само устанавливает *раздвоение*. Совершая действие, оно отказывается от определенности нравственности в том смысле, что она есть простая достоверность непосредственной истины, и устанавливает разделение себя самого на себя как на деятельный момент и на противостоящую негативную для него действительность. Самосознание, таким образом, благодаря действию становится *виной*. Ибо *вина есть его действие**, а действие – его сокровеннейшая сущность; и *вина* получает также значение *преступления*: ибо в качестве простого нравственного сознания оно обратилось к одному закону, но отказалось от другого и нарушает его своим действием. – *Вина* не есть равнодушная двусмысленная сущность в том отношении, что действие, как оно *действительно* обнаруживается, может быть, но может и не быть *действием* ее самости, словно с действием могло бы связываться нечто внешнее и случайное, что не принадлежит действию, с каковой стороны, следовательно, действие было бы невиновным. Наоборот, действие само есть это раздвоение: оно устанавливает себя для себя и противопоставляет этому некоторую чуждую внешнюю действительность; то, что таковая есть, относится к самому действию и ему обязано своим бытием. Свободно от вины поэтому только *недействие* – как бытие камня, даже не бытие ребенка. – Но по содержанию в нравственном *поступке* заключается момент преступления, потому что он не снимает *природного* распределения обоих законов между двумя полами, а напротив, будучи нераздвоенным ориентированием на закон, остается внутри *природной непосредственности* и, будучи действием, превращает эту

* Ср. значение слова “вина” – в смысле причина и в смысле *проступок, преступление*. – Примеч. пер.

односторонность в вину в том смысле, что схватывает только одну из сторон сущности и негативно относится к другой, т.е. нарушает ее. К чему относится во всеобщей нравственной жизни вина и преступление, действие и совершение поступков, – об этом определеннее будет сказано позже; непосредственно ясно лишь то, что совершает поступки и бывает виновно не “это” *отдельное лицо*; ибо оно как “эта” самость есть только недействительная тень, или: оно есть лишь в качестве всеобщей самости, и индивидуальность просто есть *формальный момент действия* вообще, а содержание – это законы и нравы и определено для отдельного лица – законы и нравы его сословия; отдельно лицо есть субстанция в качестве рода, который в силу своей определенности, правда, становится видом, но вид остается в то же время всеобщностью рода. Самосознание внутри народа спускается от всеобщего лишь до особенности, не до единичной индивидуальности, которая в своем действии выявляет исключительную самость, некоторую негативную по отношению к себе действительность, а в основе его поступков лежит прочное доверие к целому – доверие, к которому не примешано ничего постороннего, ни страха, ни вражды.

Нравственное самосознание в своем действии узнает теперь на опыте развитую природу *действительных поступков*, – и тогда, когда оно подчинялось божественному, и тогда, когда оно подчинялось человеческому закону. Явный для него закон в своей сущности связан с противоположным законом; сущность есть единство обоих; действие же осуществил только один из них в противовес другому. Но так как в своей сущности первый связан с последним, то выполнение одного вызывает другой, и притом как некую оскорбленную и ввиду этого враждебную, требующую мести сущность, – каковым его сделало действие. Поступкам вообще ясна только одна сторона решения; но последнее *в себе* есть негативность, которая противопоставляет нечто для него “иное”, нечто чуждое решению, которое есть знание. Действительность поэтому содержит внутри себя в скрытом виде другую, чуждую знанию сторону, и показывает себя сознанию не такой, какова она в себе и для себя, – сыну не показывает, что его оскорбитель, которого он убивает, – его отец; не показывает, что царица, которую он берет в жены, – его мать¹³⁶. Нравственное самосознание, таким образом, подстерегается некоей силой, которая боится света и выступает на сцену лишь тогда, когда действие совершено, и тогда застигает это самосознание на месте действия; ибо совершённое действие есть снятая противоположность знающей самости и противостоящей ей действительности. То, что совершает поступки, не может отрицать преступления и своей вины; действие в том и состоит, что оно приводит в движение неподвижное и вызывает наружу то, что лишь скрыто в возможности, и таким образом соединяет неосознанное с осознанным, не обладающее бытием – с бытием. Действие, следовательно, обнаруживается в этой истине как нечто такое, чем осознанное связано с неосознанным, собственное – с чужим, как раздвоенная сущность, другую сторону которой сознание узнает на опыте, и

притом также как свою сторону, но как силу, которая им оскорблена и враждебно возбуждена.

Бывает, что право, которое скрывается в засаде, имеется налицо для совершающего поступки *сознания* не в свойственном ему облике, а лишь в *себе*, во внутренней вине решения и совершения поступков. Но нравственное сознание – полнее, его вина – чище, когда оно *заранее знает* закон и силу, против которой оно выступает, считая ее насилием и несправедливостью, нравственной случайностью, и, как Антигона, совершает преступление сознательно¹³⁷. Совершенное действие извращает его воззвание; само *совершение* говорит о том, что то, что *нравственно*, должно быть *действительно*; ибо *действительность* цели есть цель поступков. Поступки как раз и выражают *единство действительности* и *субстанции*, они говорят о том, что действительность не случайна для сущности, а при наличии союза с последней она дается только истинному праву. Ради этой действительности и ради своего действия нравственное сознание должно признать своей действительностью то, что ему противоположно, оно должно признать свою вину;

терпя беду, мы признаем, что согрешили¹³⁸.

Это признание выражает снятый разлад между нравственной *целью* и *действительностью*, оно выражает возвращение к нравственному образу *мыслей*, который знает, что только правое имеет значение. Тем самым, однако, то, что совершает поступки, отказывается от своего *характера* и от *действительности* своей самости, и оно погибло. Его *бытие* состоит в том, что оно принадлежит своему нравственному закону как своей субстанции; но в признании противоположного [закона] этот закон перестал быть для него субстанцией; и вместо своей действительности оно достигло недействительности, образа мыслей. – Субстанция, правда, выступает в индивидуальности как *пафос* ее, а индивидуальность – как то, что оживляет ее и потому стоит над ней; но субстанция есть пафос, который в то же время есть характер [совершающего поступки]; нравственная индивидуальность непосредственно и в себе составляет одно с этим своим всеобщим, она имеет свое существование только в нем и не в состоянии пережить гибели, которой подвергается эта нравственная сила от противоположной ей силы.

Но при этом она обладает достоверностью того, что та индивидуальность, пафос которой есть эта противоположная сила, *претерпевает зло не больше, чем она причинила*. Движение нравственных сил друг против друга, как и движение индивидуальностей, утверждающих их в жизни и поступках, достигло своего *истинного конца* только в том, что обе стороны подвергаются одной и той же гибели. Ибо ни одна из этих сил не имеет никакого преимущества перед другой, чтобы быть *более существенным* моментом субстанции. Равная существенность и равнодушная устойчивость обеих друг возле друга есть их лишенное самости бытие. В действии они суть в качестве самодовлеющей сущности, но разной самодовлеющей сущности, что противоречит единству самости

и составляет их бесправность и необходимую гибель. Точно так же *характер*, с одной стороны, со стороны своего пафоса или субстанции, принадлежит только одной из этих сил, с другой же, со стороны знания, характер и той и другой раздвоен на осознанное и неосознанное, и так как каждый из них сам вызывает эту противоположность и благодаря действию даже и незнание оказывается его произведением, он впадает в вину, которая уничтожает его. Победа одной силы и ее характера и поражение другой стороны было бы, следовательно, только частью и незавершенным произведением, которое неудержимо движется к равновесию обеих. Лишь в равном подчинении обеих сторон осуществлено абсолютное право, и нравственная субстанция выступила как негативная сила, которая поглощает обе стороны, или как всемогущая и справедливая *судьба*.

[3. Растворение нравственной сущности.] – Если рассматривать обе силы с точки зрения их определенного содержания и его индивидуализации, то картина их сложившегося конфликта с ее формальной стороны предстанет перед нами как конфликт нравственности и самосознания с бессознательной природой и наличествующей благодаря этой природе случайностью (последняя имеет некоторое право по отношению к самосознанию, потому что оно есть только *истинный дух*, только в *непосредственном* единстве со своей субстанцией); со стороны же своего содержания эта картина предстанет как разлад между божественным и человеческим законами. – Юноша выбывает из бессознательной сущности, из духа семьи, и становится индивидуальностью общественности; но то обстоятельство, что он еще принадлежит природе, из которой он вырвался, сказывается в том, что он в силу случайности один из двух братьев, которые с равным правом помогают одного и того же; неравенство, выражающееся в более раннем и более позднем рождении, как природное различие не имеет значения *для них*, вступающих в нравственную сущность. Правительство же как простая душа или самость народного духа не допускает двойственности индивидуальности; и по отношению к нравственной необходимости этого единства природа выступает как случайность множественности. Между обоими поэтому возникает раздор, и их равное право на государственную власть сокрушает обоих, ибо они в равной мере не правы. Если посмотреть на это с человеческой точки зрения, то преступление, совершил тот, который, не будучи *владеющим*, нападает на общественность, во главе которой стоял другой; напротив, право оказывается на стороне того, который сумел схватить другого лишь как *отдельное лицо*, оторванное от общественности, и изгнал его в этом состоянии бесилия; он посягнул лишь на индивида как такового, а не на общественность, не на сущность человеческого права. Общественность, подвергшаяся нападению со стороны пустой единичности и защищенная ею, сохраняется, а оба брата находят свою гибель один от руки другого, ибо индивидуальность, *с для-себя-бытием* которой связывается опасность для целого, сама себя исключила из общественности и растворяется

внутри себя. Но одного, находившегося на ее стороне, общественность будет чтить; другого же, который уже со стен города возвестил о своем разорении, правительство, восстановленная простота самости общности, накажет лишением последних почестей; – кто дерзнул положить руку на высший дух сознания, на общину, у того должна быть отнята честь всей его завершенной сущности, честь, оказываемая отошедшему духу¹³⁹.

Но если всеобщее таким образом легко отбрасывает самую верхушку своей пирамиды и над бунтующим принципом единичности, над семьей, одерживает, правда, *победу*, все же этим оно вовлекло себя только в *борьбу* с божественным законом, сознающий себя самого дух вовлек себя в борьбу с духом, лишенным сознания; ибо этот последний есть другая существенная мощь и потому первую не сокрушенная, а лишь оскорбленная. Но против полновластного, открыто действующего закона он для *действительного* осуществления находит поддержку лишь со стороны бескровной тени. Как закон слабости и мрака он на первых порах побеждается законом света и силы, ибо его власть – под землей, а не на земле. Однако действительное, отняв у “внутреннего” его честь и мощь, тем самым поглотило свою сущность. Мощь открытого духа коренится в подземном мире; уверенная в себе самой и уверяющая себя *достоверность* народа имеет *истину* своей клятвы, всех в одно связующей, лишь в бессознательной и безмолвной субстанции всех, – в водах забвения. Поэтому осуществление открытого духа превращается в противоположность, и он на опыте узнает, что его высшее право есть высшая несправедливость, его победа есть, напротив, его собственная гибель. Мертвый, чье право нарушено, знает поэтому, как найти орудие мести за себя, орудие одинаковой действительности и мощи с той силой, которая оскорбила его. Эти силы суть другие общности, чьи алтари осквернили псы и птицы трупом покойника, который не был возведен в бессознательную всеобщность путем подобающего ему возвращения в лоно стихийного индивида, а остался на поверхности земли в царстве действительности и в качестве силы божественного закона получает теперь некоторую обладающую самосознанием действительную всеобщность. Эти другие, полные вражды силы встают и разрушают общественность, которая обесчестила и сломила свою силу – благоговение семьи¹⁴⁰.

В этом представлении движение человеческого и божественного закона находит выражение своей необходимостью в индивидах, в которых всеобщее выступает в качестве *нафоса*, а деятельность движения – в качестве *индивидуального* действия, придающего необходимости движения видимость случайности. Но индивидуальность и действие составляют принцип единичности вообще, который в своей чистой всеобщности был назван внутренним божественным законом. Как момент открытой общности он обладает не только указанной подземной или в своем наличном бытии внешней действительностью, но и столь же открытым, в действительном народе действительным наличным быти-

ем и действительным движением. В этой форме то, что представлялось простым движением индивидуализованного пафоса, получает другой вид, и преступление, равно как и вытекающее из него разрушение общности, получает свойственную ему форму наличного бытия. – Человеческий закон, таким образом, будучи в своем всеобщем наличном бытии общественностью, в своем претворении в действие вообще – мужественностью, в своем действительном претворении в действие – правительством, – *есть, движется и сохраняется* благодаря тому, что он вбирает в себя обособление пенатов или обособление на самостоятельные семьи, возглавляемые женственностью, и сохраняет их растворенными в своей непрерывной текучести. Но в то же время семья есть вообще его стихия, всеобщая основа, приводящая в действие единичное сознание. Сообщая себе устойчивое существование лишь путем нарушения счастья семьи и путем растворения самосознания во всеобщее сознание, общественность создает себе внутреннего врага в том, что она подавляет и что для нее в то же время существенно – в женственности вообще. Последняя – вечная ирония общественности, – пользуясь интригой, изменяет общую цель правительства в частную, превращает его общую деятельность в произведение “этого” определенного индивида и обращает общую собственность государства в достояние и украшение семьи. Таким образом, серьезную мудрость зрелого возраста, которая, оставаясь равнодушным к единичности – к удовольствию и потреблению так же, как и к действительной деятельности, – думает и заботится только о всеобщем, женственность делает предметом насмешки для беззаботности незрелой юности и предметом презрения для ее энтузиазма; она вообще возводит в полноценность силу молодости: сына, в лице которого мать родила себе господина, брата, в лице которого сестра имеет равного себе мужчину, юноши, благодаря которому дочь, освобождаясь от своей зависимости, пользуется наслаждением и достоинством жены. – Но общественность может сохраняться лишь при подавлении этого духа единичности, и так как он составляет существенный момент, она, правда, точно так же и порождает его как начало неприязненное и именно благодаря тому, что она его подавляет. Но так как это начало, отрываясь от общей цели, оказывается только злым и внутренне ничтожным, то оно было бы бессильно, если бы сама общественность не признавала силу молодости, незрелую мужественность, которая еще находится внутри единичности, *силою* целого, ибо общественность есть народ, она сама есть индивидуальность и по существу *для себя* только в том смысле, что *другие индивидуальности суть для нее*, что она *исключает* их из себя и знает себя независимой от них. Негативная сторона общественности, подавляя *внутренне* обособление индивидов, но будучи *вовне самодельна*, имеет в индивидуальности свое оружие. Война есть дух и форма, в которой имеется налицо в своей действительности и подтверждении существенный момент нравственной субстанции, абсолютная *свобода нравственной самодовлеющей сущности* от всякого наличного бытия. Так как война, с одной стороны, дает почувство-

вать силу негативного единичным *системам* собственности и личной независимости, равно как и самой отдельной *личности*, а, с другой стороны, именно эта негативная сущность возвышается в войне как то, чем сохраняется целое, – то храбрый юноша, к которому женственность питает чувственное влечение, подавленное начало развращения, выступает наружу и есть то, что пользуется признанием. Теперь именно природная сила и то, что выступает как счастливый случай, решают участь наличного бытия нравственной сущности и духовной необходимости; так как наличное бытие нравственной сущности покоится на природной силе и счастье, то тем самым *уже предрешено*, что оно погибло. – Как прежде лишь пенаты погибли в народном духе, так теперь *живые* воплощения народного духа гибнут из-за своей индивидуальности в некоторой *всеобщей* общественности, чья *простая всеобщность* лишена духа и мертва и чья жизненность есть отдельный индивид как единичное. Нравственная форма духа исчезла, и на ее место вступает некоторая другая форма.

Эта гибель нравственной субстанции и ее переход в некоторую другую форму определяются, следовательно, тем, что нравственное сознание направлено на закон по существу *непосредственно*; в этом определении непосредственности заключается то, что в поступок нравственности проникает природа вообще. Ее действительность только делает явным противоречие и зародыш развращения, который имеют прекрасное единодушие и покоящееся равновесие нравственного духа как раз в самом этом покое и красоте, ибо непосредственность имеет противоречивое значение: она есть бессознательный покой природы и обладающий самосознанием непокойный покой духа. – Вследствие этой природности “этот” нравственный народ есть вообще некоторая индивидуальность, определенная природой и потому ограниченная, и, следовательно, она находит свое снятие в некоторой другой индивидуальности. Но так как эта определенность, которая, утвержденная в наличном бытии, есть ограничение, но точно так же и негативное вообще и самость индивидуальности, – исчезает, то жизнь духа и эта субстанция, во всех [индивидуальностях] обладающая сознанием себя самой, потеряны. Эта субстанция выступает как присущая им *формальная всеобщность*, не обитает в них более как живой дух, а простая цельность (*Gediegenheit*) ее индивидуальности рассыпалась на множество точек.

с. Правовое состояние

[1. З н а ч и м о с т ь л и ц а.] – Всеобщее единство, в которое возвращается живое непосредственное единство индивидуальности и субстанции, есть лишенная духа общественность, которая перестала быть лишенной самосознания субстанцией индивидов и в которой индивиды теперь обладают значимостью сообразно своему единичному для-себя-бытию как самодовлеющие сущности и субстанции. Всеобщее, раздробленное на атомы – на абсолютное множество индивидов, – этот умерший дух есть равенство, в котором *все* имеют значение как “*каждые*”,

как *лица*. – То, что в мире нравственности называлось скрытым божественным законом; на деле выступило из своего “внутреннего” в действительность, в нравственном мире отдельное лицо считалось и было действительным лишь как общая *кровь семьи*. В качестве “этого” лица, оно было *лишенным самости* отошедшим духом; но теперь оно вышло из своей недействительности. Так как нравственная субстанция есть только *истинный дух*, он возвращается в *достоверность* себя самого; нравственной субстанцией он оказывается в качестве *положительного* всеобщего, действительность же его состоит в том, что он есть *негативная* всеобщая *самость*. – Мы видели, что силы и формы нравственного мира потонули в простой необходимости пустой *судьбы*. Эта сила нравственного мира есть субстанция, рефлектирующая себя в свою простоту; но рефлектирующая себя абсолютная сущность, именно указанная необходимостью пустой судьбы, есть не что иное, как “я” самосознания.

Таким образом, последнее считается теперь *в себе и для себя* сущей сущностью; эта *признанность* есть ее субстанциальность; но эта субстанциальность есть *абстрактная всеобщность*, потому что ее содержание есть “эти” *хрупкая самость*, а не самость, растворенная в субстанции.

Итак, личность здесь выступила из жизни нравственной субстанции; она есть *действительно значимая* самостоятельность сознания. *Недействительная мысль* ее, которая открывается себе благодаря *отказу от действительности*, раньше встречалась в качестве *стоического* самосознания; подобно тому как это последнее происходило из господства и рабства как непосредственного наличного бытия *самосознания*, так и личность происходила из непосредственного *духа*, который есть всеобщая господствующая воля всех и в равной мере их покорное служение. То, что для стоицизма только в *абстракции* было “в себе” [-бытием], теперь есть *действительный мир*. Стоицизм есть не что иное, как сознание, которое переносит принцип правового состояния, лишенную духа самостоятельность, на свою абстрактную форму; своим бегством из *действительности* оно достигло только мысли о самостоятельности; оно есть абсолютно *для себя*, потому что оно не связывает своей сущности с каким-либо наличным бытием, а, отказываясь от всякого наличного бытия, полагает свою сущность исключительно в единстве чистого мышления. Таким же способом и право лица не связано ни с более богатым или могущественным наличным бытием индивида как такового, ни с каким-либо всеобщим живым духом, а, напротив, связано с чистым “одним” его абстрактной действительности или с ним как самосознанием вообще.

[2. С л у ч а й н о с т ь л и ц а.] – Так же как *абстрактная* самостоятельность стоицизма проявила свое претворение в действительность, так и это последнее повторит движение первой. Абстрактная самостоятельность стоицизма переходит в скептический хаос сознания, в болтовню негативного, которая бесформенно блуждает от одной слу-

чайности бытия и мысли к другой, растворяет их, правда, в абсолютной самостоятельности, но в равной мере и порождает снова и на деле есть только противоречие самостоятельности и несамостоятельности сознания. – Точно так же личная самостоятельность *права* есть скорее такой же всеобщий хаос и взаимное растворение. Ибо то, что считается абсолютной сущностью, есть самосознание как чистое *пустое* “одно” лица. В противоположность этой пустой всеобщности субстанция имеет форму *наполнения* и *содержания*, и этому содержанию теперь дана полная свобода и оно неупорядочено, ибо налицо уже не имеется дух, который бы его подчинял и удерживал в единстве. – Это пустое “одно” лица (*der Person*) в своей *реальности* есть поэтому случайное наличное бытие и лишенное сущности движение и действие, которое никакого постоянства не достигает. Подобно скептицизму, формализм права, следовательно, в силу своего понятия лишен специфического содержания, застает некоторое многообразное устойчивое существование, владение, и, подобно скептицизму, впечатлевает на нем ту же абстрактную всеобщность, в силу которой владение называется *собственностью*. Но если определенная таким образом действительность в скептицизме называется вообще *видимостью* и имеет только негативную ценность, то в праве она имеет ценность положительную. Эта негативная ценность состоит в том, что действительное имеет значение самости как мышления, как всеобщего *в себе*, а положительная ценность – в том, что оно есть “*мое*” в значении категории, как нечто, имеющее *признанную* и *действительную* значимость. – В обоих [случаях] имеется одно и то же *абстрактное всеобщее*; действительное содержание или *определенность* “моего” – внешнего ли владения или же внутреннего богатства либо бедности духа и характера – не содержится в этой пустой форме и к ней отношения не имеет. Действительное содержание принадлежит, стало быть, некоторой *собственной силе*, которая есть нечто иное, чем это формально-всеобщее, представляющее собой случайность и произвол. – Сознание права поэтому в самой своей действительной значимости испытывает скорее потерю своей реальности и свою совершенную несущественность, и обозначать индивида *персоною* есть выражение презрения.

[3. А б с т р а к т н о е л и ц о , г о с п о д и н м и р а.] – Свободная мощь содержания определяется так, что рассеяние на абсолютное *множество* атомов – личностей – природою этой определенности в то же время собрано в *одну* чуждую им и в равной мере лишенную духа точку, которая, с одной стороны, подобно хрупкости их личности, есть лишь единичная действительность, но, с другой стороны, в противоположность их пустой единичности имеет для них значение всякого содержания и тем самым реальной сущности, а в противоположность их действительности, мнимо абсолютной, но в себе лишенной сущности, она есть всеобщая сила и абсолютная действительность. Этот господин мира видит себя таким образом абсолютным лицом, в то же время объемлющим в себе все наличное бытие, – лицом, для сознания которого не

существует более высокого духа. Он – лицо, но одинокое лицо, противостоящее *всем*; эти все составляют имеющую значение всеобщность лица, ибо единичное как таковое истинно лишь как всеобщая множественность единичности: отделенная от этой множественности одинокая самость на деле есть недействительная бессильная самость. – В то же время она есть сознание содержания, противостоящего указанной всеобщей личности. Но это содержание, освобожденное от своей негативной силы, есть хаос духовных сил, которые, будучи неукротимы как стихийные сущности, движутся в диком разгуле, беснуясь и сокрушая друг друга; их бессильное самосознание есть безвластное окружение и почва для их буйства. Зная себя таким образом как совокупность всех действительных сил, этот господин мира есть чудовищное самосознание, которое чувствует себя действительным богом; но так как он есть лишь формальная самость, которая не в состоянии обуздать эти силы, то его движение и самоуслаждение точно так же есть чудовищный разгул.

Господин мира имеет действительное сознание того, что он есть, – всеобщей силы действительности – в той разрушающей власти, которую он осуществляет по отношению к противостоящей ему самости его подданных. Ибо его мощь не есть духовное *единодушие*, в котором отдельные лица узнавали бы свое собственное самосознание, а напротив, как лица они суть для себя и исключают непрерывную связь с другими из абсолютной хрупкости своей точечности (*Punktualität*); они, следовательно, находятся в некотором лишь негативном отношении и друг к другу и к нему, который составляет их соотношение или непрерывную связь. В качестве этой связи он есть сущность и содержание их формализма, но содержание им чуждое, и сущность – им враждебная, которая, напротив, снимает именно то, что для них имеет значение их сущности, – их бессодержательное для-себя-бытие, – и, будучи непрерывной связью их личности, именно ее и разрушает. Таким образом, правовая личность, так как в ней выказывается чуждое ей содержание (а оно выказывается в них, потому что он есть их реальность), на опыте узнает скорее свою бессубстанциальность. Наоборот, разрушительное возбуждение умов на этой лишенной сущности почве сообщает себе сознание своего всевластия, но эта самость есть одно лишь опустошение, поэтому она оказывается лишь вне себя и есть скорее отказ от своего самосознания.

Такова та сторона, на которой самосознание *действительно* в качестве абсолютной сущности. Но *сознание, изгнанное* из этой действительности *назад в себя*, размышляет об этой своей несущественности. – Как мы видели выше, стоическая самостоятельность чистого мышления проходит через скептицизм и обретает свою истину в несчастном сознании: истину того, как обстоит дело с его в-себе- и для-себя-бытием. Если это знание казалось тогда лишь односторонним взглядом сознания как такового, то здесь выступила *действительная* истина этого взгляда. Она состоит в том, что эта *всеобщая значимость* самосознания есть отчужденная

от него реальность. Эта *значимость* есть всеобщая действительность самости; но эта действительность непосредственно есть точно так же извращение; она есть потеря самостью своей сущности. – Отсутствующая в нравственном мире действительность самости приобретена благодаря ее уходу обратно в *лицо*; то, что в нравственном мире было едино, выступает теперь развитым, но от себя отчужденным.

В. ОТЧУЖДЕННЫЙ ОТ СЕБЯ ДУХ; ОБРАЗОВАННОСТЬ

Нравственная субстанция сохраняла противоположность заключенной в ее простом сознании, а последнее – в непосредственном единстве со своей сущностью. Сущность имеет поэтому простую определенность *бытия* для сознания, которое непосредственно направлено на бытие и нравы которого составляет это бытие; сознание не считает себя “этой” *исключающей самостью*, равным образом и субстанция не имеет значения исключенного из нее наличного бытия, с которым сознание должно было бы составить “одно” лишь путем отчуждения от себя самого и в то же время должно было бы породить субстанцию. Но тот дух, чья самость есть абсолютно дискретное, имеет свое содержание перед собой как некую столь же косную действительность, и определение мира состоит здесь в том, что он есть нечто внешнее, негативное самосознание. Но этот мир есть духовная сущность, он в себе есть взаимопроникновение бытия и индивидуальности; это его наличное бытие есть *произведение* самосознания, но точно так же и некоторая непосредственно имеющаяся налицо, чуждая ему действительность, которая обладает свойственным ей бытием и в которой самосознание себя не узнает. Он есть внешняя сущность и свободное содержание права; но эта внешняя действительность, которую господин правового мира ощущает в себе, есть не только та стихийная сущность, которая случайно имеется налицо для самости, но она есть его работа – не положительная, а напротив, негативная его работа. Она получает свое наличное бытие благодаря тому, что самосознание отрешается от самого себя и отказывается от своей сущности, а это отрешение в том опустошении, которое господствует в мире права, кажется ему вынужденным под давлением внешнего насилия вырвавшихся на волю стихий. Эти стихии для себя суть только чистое опустошение и растворение себя самих; но именно это растворение, эта их негативная сущность и есть самость; она – их субъект, их действие и становление. Но это действие и становление, благодаря которым субстанция становится действительной, есть отчуждение личности, ибо самость, имеющая *непосредственно*, т.е. *без отчуждения*, значение в себе и для себя, лишена субстанции и есть игра указанных бушующих стихий; *ее* субстанция, следовательно, есть само ее отрешение, а отрешение есть субстанция или духовные силы, упорядочивающиеся в некоторый мир и благодаря этому сохраняющиеся.